

ГЛАВА ВТОРАЯ

СТИЛЬ МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСТОРИЗМА XI-XIII вв.

Итак, начало XVII в. показало нам тот перелом, который произошел в изображении реальных исторических лиц под влиянием воздействия действительности. Чтобы понять сущность этого перелома и его значение в литературе, необходимо вернуться к начальным этапам развития русской литературы.

Первый вполне развитый стиль в изображении человека, стиль, сильнейшим образом сказавшийся в литературе XI-XIII вв., - это стиль монументального средневекового историзма, тесно связанный с феодальным устройством общества, с рыцарскими представлениями о чести, правах и долге феодала, о его патриотических обязанностях и т. д. Стиль этот развивается главным образом в летописях, в воинских повестях, в повестях о княжеских преступлениях, но пронизывает собой и другие жанры. Он более отчетлив в летописях, составлявшихся по указаниям князей, чем в летописях епископских, монастырских и городских в светских произведениях, чем в церковных. Характеристики людей, характеристики людских отношений и идейно-художественный строй летописи составляют неразрывное целое. Они подчиняются одним и тем же принципам феодального миропонимания, обусловлены классовой сущностью мировоззрения летописца.

В своем отношении к историческим событиям летопись прямолинейно официальна. Ритм истории в летописи - это ритм официальных событий. Связь между событиями также всегда официальна. История для летописца не имеет "второго плана" - скрытой экономической или даже просто психологической подоплеки. Князья поступают так, как они сами об этом объявляют через послов или на съездах. Если они и обманывают, то мотивы их обмана также на первом плане, за ними не кроется причин иного рода, чем те, о которых они сами заявляют или могли бы заявить. Летописец не заносит в свои записи событий частного характера, не интересуется жизнью людей, низко стоящих на лестнице феодальных отношений. Попасть в летописные записи - само по себе событие значительное. Летописец пишет только о лицах официальных, распоряжающихся судьбой людей; при этом частная жизнь этих официальных людей летописца не интересует. Если он и пишет о рождении детей у князя, об их свадьбах и пирах, то потому только, что всё это - официальные события в жизни княжества, события "династического порядка".

Человек был в центре внимания искусства феодализма, но человек не сам по себе, а в качестве представителя определенной среды, определенной ступени в лестнице феодальных отношений. Каждое действующее лицо летописи изображается только как представитель определенной социальной категории. Князь оценивается по его "княжеским" качествам, монах - "монашеским", горожанин как подданный или вассал. Личность князя подчиняет себе события, интерес к князю поглощает интерес к событиям народной жизни. Каждый человек представляет для летописца свою ступень в феодальной иерархии. Всё общество состоит из "лестнично" расположенных над простым, трудовым народом различных групп феодалов. Все людские отношения подчинены этой иерархии вассальных связей. Этот иерархизм дает себя сильнейшим образом знать и в летописи, и в других литературных произведениях.

Принадлежность к определенной ступени феодальной лестницы ясно ощутима в характеристиках действующих лиц летописи. Для каждой ступени выработались свои нормы поведения, свой идеал и свой трафарет изображения. Индивидуальность человека оказывалась полностью подчиненной его положению в феодальном обществе, и изображение людей в русской летописи XI-XIII вв. в сильнейшей степени следовало тем идеалам, которые выработались в господствующей верхушке феодального общества.

Эти идеалы ясно определимы. Их несколько, и они очень четко обозначены социально. Идеальный образ князя - один, идеальный образ представителя церкви - другой. Слабо намечены идеалы боярства - "бояр думающих" и "дружины хоробрствующей". В основном два идеальных образа доминируют в жизни, а вслед за нею и в литературе: светский и церковный.

Это не идеализация человека, это идеализация его общественного положения - той ступени в иерархии феодального общества, на которой он стоит. Человек хорош по преимуществу тогда, когда он соответствует своему социальному положению или когда ему приписывается это соответствие (последнее - чаще).

Эти идеалы, выработавшиеся в жизни и игравшие в ней значительную роль, повлияли и на письменность. Умерших, а иногда и живых литература (в первую очередь летопись и жития святых) стремится изобразить в духе этих идеалов (если автор сочувствует изображаемому) или показать их несоответствие этим идеалам (если автор не сочувствует изображаемому). Этим обуславливается относительная бедность характеристик действующих лиц летописи и житий. Но этим же обуславливается и точное соответствие характеристик нуждам господствующего класса феодального общества.

Идеалы не всех ступеней иерархической лестницы равноправны. В светской области наиболее отчетливо определился княжеский идеал. Герои летописи - по преимуществу князья, ибо их действия, как мы уже сказали, с точки зрения летописца, составляют суть исторического процесса. Вот почему княжеский идеал - наиболее разработанный светский идеал.

Характеристики духовенства в летописи - монахов, епископов, митрополитов, белого духовенства - и людей просто благочестивых целиком подчиняются идеалам церкви.

Особую группу составляют "святые". Внешне они не входят в систему феодальных отношений - светских и духовных - и не принадлежат крестьянству. Они как бы внесловны. Они вышли из жизни, но встали над ней - между земным и божественным. Трафареты в их характеристиках иные, они целиком зависят от общехристианской литературы - своей, местной и переводной. В святых подчеркиваются их странности, отрешенность от мира и его интересов.

* * *

Строгое соответствие изображения людей с иерархией феодального общества имело свои глубокие основания в самом строе феодального общества и в

потребностях верхушки этого общества сохранить этот строй, удержать за собой господствующее положение. В связи с этим вырабатывается понятие феодальной чести. Над сложной иерархией политических отношений вырастает не менее сложная иерархия чести.

Уже в Русской Правде размер наказаний изменяется в зависимости от положения пострадавшего, от того, на какой ступени феодальной лестницы он находится, причем защищается прежде всего честь пострадавшего, его достоинство.

Согласно Правде Ярослава различались побои в зависимости от того, чем они нанесены, причем за более опасные удары мечом и ранение пальца взыскивалось 3 гривны, а за удары менее опасными предметами (палкой, жердью, тыловой частью меча, ножнами меча) в четыре раза больше - 12 гривен. Это объясняется тем, что последние удары были более оскорбительными, так как выражали крайнее презрение к оскорбляемому.

Если обиженный попытается смыть нанесенное ему оскорбление и обнажит меч, то такого рода действие ненаказуемо. В Пространной Правде говорится: "Не терпя ли противу тому ударить мечемь, то вины ему в томь нетуть"¹, "Аже ли кто вынет мечь, а не утнеть, то гривна кун"², "Аще ли ринеть мужь мужа, любо от себе, любо к себе, 3 гривне"³ и т. д.

Классовое расслоение общества сказалось также и в церковном уставе Ярослава Владимировича. Здесь особо оговаривается оскорбление жен великих и меньших бояр, градских и сельских людей. Оскорбление словом каждой из этих категорий жен строго различается по налагаемой санкции. Характерно, что речь идет именно об оскорблении словом. Следовательно, вырабатываются строгие представления о феодальной чести⁴. В цифрах этих штрафов социальное расстояние между большим боярином и сельским человеком определяется отношением 1 к 14. Строже всего охранялась законом честь князя. За бесчестье князя по Русской Правде полагалось обезглавление: "Князю великому за бесчестье главу снять". Смертная казнь полагалась и за восстание против князя. Князь Изяслав казнил организаторов восстания 1068 г. Князь Василько Ростиславич казнил в 1097 г. мужей князя Давида Святославича, по наущению которых он был ослеплен. Ипатьевская летопись под 1177 г. приводит следующее обращение князя Святослава Всеволодовича к князю Роману Ростиславичу: "Брате, я не ищю под тобою ничего же, но ряд наш так есть, оже ся князь извинить, то в волость, а мужь в голову"⁵. Таким образом, оскорбление чести феодала, как и измена ему, карались смертной казнью - так же точно и на Западе. При этом надо принять во внимание, что смертная казнь в раннефеодальном древнерусском государстве применялась исключительно редко.

Процесс образования сложной лестницы феодальных отношений закончился в основном к XII в.: великий князь, местные князья, бояре, боярские слуги. Междукняжеские отношения строятся к этому времени на основании развитого сюзеренитета - вассалитета.

Вот эта-то сложная иерархия феодальных отношений отчетливо дает себя знать в художественной литературе - в характеристиках действующих лиц летописи, житий, исторических повестей. Она налагает ясно осязаемый отпечаток на систему

художественных обобщений. И это прежде всего сказывается в том, что для каждой ступени феодальной лестницы вырабатываются, как мы уже сказали, свой идеал, свои нормы поведения, в зависимости от которых и расценивается тот или иной представитель этой ступени.

Сравнительно с общинно-патриархальной формацией феодализм предоставлял большие возможности для развития личности, но эти возможности открывались по преимуществу для представителей феодального класса. Согласно представлениям феодализма, история, движется отдельными личностями из среды феодалов: князьями, боярами, духовенством, и это наложило свой отпечаток на образы людей в литературе. Вот почему и обобщение в литературе XI-XIII вв. основывается на отдельных конкретных исторических личностях. Литература - летопись или житие, всё равно - в основе своих образов имеет только исторические личности. Вымышленно-обобщенных образов людей литература феодализма не знает. Вместе с тем каждое историческое лицо, как мы уже сказали, вводится в круг идеалов, располагающихся по ступеням феодальной лестницы.

Особое положение в этой "лестнице идеалов" занимал трудовой народ. Сельское население, городские ремесленники не входили в состав феодальной иерархии. Они составляли только ту основу, над которой высилась феодальная лестница. Трудовой народ находился вне этой лестницы, а следовательно, и вне лестницы феодальных идеалов. Ф.Энгельс указывал: "Всё, что не входит в феодальную иерархию, так сказать, не существует; вся масса крестьян, народа, даже не упоминается в феодальном праве"⁶. Не упоминаются в литературных произведениях и отдельные представители крестьянства, трудового народа.

Весь феодальный класс, несмотря на свою сложную многоступенчатую структуру, составляющую основу его неоднородности, в отношении трудового населения выступает как сплоченное единое целое. В первую очередь это касается княжеского рода - особенно спаянной, несмотря на все свои внутренние раздоры, части феодального класса. Постоянные раздоры в среде князей не мешали их сплоченности по отношению ко всем некнязьям, в том числе и к другим представителям класса феодалов.

Тесное соприкосновение феодальной литературы и действительности, феодальной литературы и политики нашло свое отражение в строгом подчинении изображения людей идеалам феодальной верхушки.

Литература феодального периода была теснейшим образом связана с жизнью - с нуждами и требованиями феодального общества. Как мы увидим в дальнейшем, именно жизнь, а не литература, не литературная традиция выработала те идеалы, которые и в действительности, и в литературе служили мерилami людей. В литературном изображении реальные люди либо подтягивались к этим идеалам, признавались соответствующими им, либо отвергались именно с точки зрения этих идеалов. Литература в основном знала только две краски - черную и белую; определение же того, какой краской писать то или иное действующее лицо, принадлежало реальной политической действительности и месту в ней самого автора. Противников своего лагеря летописец или автор исторической повести писал темной краской, сторонников - светлой. Летописец, автор, и себя подчинял этикету

феодалного общества, вводил себя в иерархию феодализма: свое служение феодалу он переносил в свою писательскую деятельность. Летописец того или иного князя, того или иного монастыря, епископа выражал в своих творениях верность сюзерену. В большей мере, чем какой бы то ни было автор других веков, он подчинял задачи своего труда задачам служения своему сюзерену, оценивал события и людей так, как это ему подсказывали его обязанности подданного - человека, стоящего на одной из низших ступеней феодальной лестницы и связанного ее принципами. Отсюда уже отмеченная нами официальность литературы.

* * *

Как в изображениях на мозаиках и фресках XI-XIII вв., князь в летописи всегда официален, всегда как бы обращен к зрителю, всегда представлен только в своих наиболее значительных поступках. Его речи при переговорах и на съездах князей, перед дружиной или на вече всегда лаконичны, значительны и как бы геральдичны. Порой они звучат как призывы, обращают на себя внимание своею образностью, удачно найденными формулами, сжато отражающими всегда одну и всегда основную мысль.

Геральдичность и церемониальность не требуют пространныго выражения. Они обращены во вне - к зрителю и читателю. Поступки, дела, действия, слова и жесты - основное в характеристиках князей. В летописи описываются эти действия и поступки, но не психологические причины, их вызвавшие.

Князья в летописи не знают душевной борьбы, душевных переживаний, того, что мы могли бы назвать "душевым развитием". Князья могут испытывать телесные муки, но не душевные терзания. На всем протяжении своей жизни, как она фиксируется в летописи, князь остается неизменным. Даже в тех случаях, когда летописец и говорит о душевных колебаниях князя, кажется, что он больше взвешивает все "за" и "против", чем испытывает нерешительность. В таких случаях сама несмелость предстает как черта политических убеждений, а не характера. Старчески слабый князь Вячеслав Владимирович⁷ выглядит в изображении летописца мудрым князем, отрешившимся от политики, хотя и продолжающим находиться на княжеском столе. Для летописца не существует "психологии возраста". Каждый князь увековечен в своем как бы идеальном, вневременном состоянии. О возрасте князя мы узнаем только тогда, когда возраст (как и болезнь) мешает его действиям. Если в летописи говорится о детстве князя, то летописец стремится и здесь изобразить его как бы в его сущности князя. Ребенок-князь начинает битву, бросая копье (Игорь), или защищает мать с мечом в руках (Изяслав), или совершает обряд посажения на коня. С момента "посага" (обычно в восьмилетнем возрасте) летописец по большей части уже не упоминает о возрасте князя, оценивая его поступки как поступки князя вообще. О юности князя летописец вспоминает только тогда, когда юноша-князь умирает и окружающие оплакивают его безвременную кончину⁸.

В характеристиках князей нет никаких оттенков и переходов, создающихся противоречиями внутренней жизни. Все добродетели князя точно определены, все пороки его исчислены, их может быть больше или меньше, но качественно они все одни и те же. Характеристика князя в летописи, если она дается отдельно, состоит обычно из перечисления его достоинств, внешних примет и, реже, недостатков. Все

свойства его ясны, отчетливы, просты. Их скорее мало, чем много. Летописцы как бы избегают всего расплывчатого, неясного, создают как бы эмблемы и символы феодального порядка. Они пишут так же, как и иконописцы,- изображения для поклонения или, напротив, для осуждения. Их главное внимание уделено личностям феодалов, но самые эти личности служат как бы только олицетворениями существующих порядков - сложной феодальной лестницы и ее незыблемости.

Во второй половине XIII или в начале XIV в. неизвестный автор, рязанец по происхождению, вспоминая рязанских князей минувших времен могущества и независимости Руси, следующим образом охарактеризовал этот уже уходящий к тому времени в прошлое идеал князей: "Сии бо государи рода Владимира Святославича - сродника Борису и Глебу, внучата великаго князя Святослава Олговича Черниговского. Бяше родом христоролюбивый, благолюбивый, лецем красны, очима светлы, взором грозны, паче меры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приеждим приветливы, к церквам прилежны, на пиrowанье тщивы, до осподарьских потех охочи, ратному делу велми искусны, к братье своей и ко их посолником величавы. Мужествен ум имеяше, в правде-истине пребываста, чистоту душевную и телесную без порока соблюдаста. Святого корени отрасли, и богом насажденаго сада цветы прекрасный. Воспитани быша в благочестии со всяцем наказании духовней. От самых пелен бога возлюбили. О церквах божиих велми печашеся, пустотных бесед не творяще, срамных человек отвращашеся, а со благыми всегда беседоваша, божественных писаниих всегода во умилении послушаше. Ратным во бранех страшена ивля-шеся, многия враги, востаючи на них, побежаша, и во всех странах славна имя имяща. Ко греческим царем велику любовь имуща, и дары у них многи взимаща. А по браце целомудрено живяста, смотряючи своего спасения. В чистой совести, и крепости, и разума предержа земное царство и к небесному приближался. Плоти угодие не творяще, соблюдаючи тело свое по браце греху непричасна. Государьский сан держа, а посту и молитве прилежаста; и кресты на раме своем носяща. И честь, и славу от всего мира приимаста, а святыя дни святого поста честно храняста, а по вся святыя посты прича-щастася святых пречистых бессмертных тайн. И многи труды и победы по правой вере показаста. А с погаными половцы часто бяшася за святыя церкви и православную веру. А отчину свою от супостат велми без лености храняща. А милостину неоскудно даяше, и ласкою своею многих от неверных царей, детей их и братью к себе принимаете, и на веру истинную обращаста"⁹. В этой "Похвале" роду рязанских князей всё собрано, всё сосредоточено, до предела сжато и выпукло, как в каменной резе владимиристо-суздальских соборов. Каждая черта резко обобщена и продумана, каждая деталь - следствие работы мысли многих поколений, создавших свой идеал князя, его поведения, его внешнего облика. В этой монументальной характеристике рязанские князья обрисованы такими, какими они должны казаться людям: своей братье, их послам, дружине, боярам и врагам. Куда ни обратится князь, всюду он лучший из лучших, для всех он такой, каким он должен быть, с точки зрения древнерусского автора. Для одних он грозен, для других ласков, к третьим щедр, для четвертых боголюбив, к пятым приветлив. Он весь в деятельности, он представитель своего положения, он как бы обращен во вне - к зрителю, к окружающим. И замечательно, что в "Похвале" роду рязанских князей исчислены почти все те зрители, к которым обращена эффектная внешность князя: это бояре, приезжие, своя братья князья и греческие цари, "супостаты"- враги, "неверные цари", послы, духовенство. Ко всем этим зрителям - князь красен лицом, грозен и

светел очами, всюду он первый в выполнении своих обязанностей: на пиру и в церкви, в битве и при приеме послов. Его облик легко обозрим, прост и значителен. В многоликом идеале князя, то грозном, то приветливом и величавом, находят себе место и церковные добродетели. Качества князя соединены в его облике механически: рязанские князья и "на пирование тщивы" и в посте прилежны, грозны и приветливы, до господарских потех "охочи" и "срамных человек" отвращаются, "пустотных" бесед не творят. Качества князей, их добродетели могут присоединяться к его характеристике бесконечно. Это звенья в цепи. Иногда эти качества лишены настоящей внутренней, психологической связи. Добродетелей в князе может быть столько, сколько колец в его кольчуге. Каждая "добродетель" обращена к зрителю, надета на нем, как доспех, механически соединена с соседней. Он окружается ими, как броней. Они - как бы его парадная одежда. Это хорошо подметил Даниил Заточник: "Паволока бо испестрена многими шолки и красно лице являеть: тако и ты, княже, многими людьми честен и славен по всем странам"¹⁰.

Еще отчетливее сравнение добродетелей князя с его одеянием в пространной посмертной характеристике волынского князя Владимира Васильковича. "Ты правдою бе о б о л ч е н, - обращается к нему летописец, - крепостью п р е п о я с а н и милостынею яко гривною утварью златою у к р а с у я с я, истиною о б и т, смыслом в е н ч а н"¹¹. К каждому из своих зрителей князь обращается как бы в отдельности, полностью растворяясь в окружающей его феодальной среде и становясь до предела абстрактным. "Ты бе, о честная главо, - продолжает летописец, - нагим одеяние, ты бе алчущим корьмя и жажущим во вьртыпе оглашение, вдовицам помощник и страньным покоище, беспокровным покров, обидимым заступник, убогим обогатение, страньн приимник"¹².

То обстоятельство, что добродетели механически присоединяются к другим добродетелям без внутренне объединяющей их связи, привело к легкому совмещению идеалов светского и церковного. В произведениях светской литературы к дружинным добродетелям князя, рисуящим его добрым воином и добрым главой дружины, тщивым на пиры, щедрым и храбрым, присоединяются духовные добродетели аскетического характера: нищелюбие, смирение, постничество и благочестие. С другой стороны, в житийных характеристиках дружинные добродетели легко присоединяются к церковным и осеняются венцом святости. Так было в характеристиках князей, погибших от татар, так было и в Житии Александра Невского.

Христианское мировоззрение при изображении людей было поставлено на службу укреплению феодального строя. Оно вступало в силу по преимуществу там, где речь заходила о правовых преступлениях: об убийстве, ослеплении, вероломстве, нарушении крестного целования и т. д. Убийство Игоря Ольговича побудило летописца обратиться к житийным образцам, то же можно сказать об убийстве Андрея Боголюбского и о многих других преступлениях периода феодальной раздробленности.

Характерно проникновение церковного элемента по преимуществу в изображение отрицательных персонажей светских произведений - врагов внешних и внутренних. Положительный идеал был главным образом светский; церковные добродетели лишь

механически присоединялись в характеристике светских героев к основным светским, феодальным добродетелям. Но коль скоро речь заходила о дурных поступках, о врагах,- летописец становился целиком на церковную точку зрения и приписывал отрицательному персонажу по преимуществу церковные грехи и недостатки. В церковной литературной традиции светский автор находил сильные слова осуждения, яркие краски и твердую почву для морализирования.

В изображении отрицательных персонажей сказывался и христианский психологизм, когда делались попытки проникнуть во внутреннюю жизнь действующего лица. Летописец в гораздо большей степени, чем в изображении положительных героев своего повествования, стремился психологически объяснить поступки врага, описать внутренние побудительные причины его дурных поступков. Правда, этих побудительных причин немного: гордость, зависть, честолюбие, жадность.

Внешний враг устремляется на Русь "в силе тяжце", "пыхая духом ратным", под влиянием зависти, которую вложил ему в сердце дьявол, "устремившись прияти град и землю"¹³, "надеяся объяти землю, потребити море"¹⁴. Владимир Мстиславич нарушает крестное целование, так как был к братии своей "верьтлив" и "не управливаше к ним хрестьного целования"¹⁵.

Однако и в отношении к отрицательным персонажам писатель XI- XIII вв. не в меньшей степени официален, чем в отношении к положительным героям своего повествования. Отрицательный герой летописи - это внешний враг, всякий противник того князя, которому сочувствует летописец. Отрицательные персонажи летописца найдены им не по их внутренним отрицательным свойствам, а по тому внешнему положению, которое они занимали в феодальной и классовой борьбе своего времени. Характерно, что многие отрицательные психологические свойства противника определены летописцем также с этой официальной, служебной позиции. Один из самых отрицательных персонажей Ипатьевской летописи - князь Владимирко Галицкий. Его главная черта - жадность; он действует не прямо, не войной, а подкупом, деньгами. В этом изображении Владимирки сказалась ненависть представителя беднеющего Киевского княжества к гораздо более богатому в XII в. княжеству Галицкому. Беднеющий Киев презирал молодой и богатый Галич. Это презрение воплотилось в отрицательном образе "многоглаголивого" Владимирки Галицкого, действовавшего деньгами, а не оружием, жадного к добыче и беспощадного в своей жадности¹⁶.

Литературные портреты князей XII-XIII вв. так же лаконичны, энергично выписаны и просты, как и их портреты живописные. На иконе XII в. Третьяковской галереи из Новгородского Юрьева монастыря Георгий Победоносец стоит со щитом за спиной, с копьем и мечом в руках, с кесарским венцом на голове. Все атрибуты власти при нем, оружие при нем; вспоминаются слова из "Изборника" Святослава 1076 г.: "красота воину- оружие"¹⁷. Одежды Георгия тщательно выписаны и поражают богатством. Он обращен к зрителю, как бы позирует перед ним и прямо смотрит на него. Всё в нем различимо, ясно. Он изображен не в один из моментов своей жизни, а таким, каким он должен представляться зрителю всегда. Художник стремился изобразить все присущие ему признаки, а не какое-то из его временных состояний.

Таков же Дмитрий Солунский на иконе XII в. (в Третьяковской галерее) или Ярослав Всеволодович на фреске новгородской церкви Спаса на Нередице. Художник и писатель стремятся к эмблематическому изображению, к передаче признаков и знаков достоинства.

И в литературе, и в живописи перед нами несомненно искусство монументальное. Это искусство, способное воплотить героизм личности, понятия чести, славы, могущества князя, сословные различия в положении людей. Бесстрашие, мужество, феодальная верность, щедрость, поскольку все они выражались в поступках и речах, были "доступны для обозрения" читателя, не скрывались в глубине личности, были выражены явно - словом, делом, жестами, положением, могли быть переданы летописцем без особого проникновения в тонкости психологии.

В образах князей этого времени отразился идеал мужественной красоты. Этот идеал приобретал особую торжественность и парадность под пером летописца, будучи поставлен им на службу интересам феодалов.

Литературные портреты князей выступают перед нами как бы высеченными из камня, подобно каменным барельефам владимиро-суздальских соборов: с той же мерою обобщения и с тем же минимумом жизненно наблюдаемых деталей. Литературные способы характеристики князей согласуются со способами описания их действий, поступков, подвигов. И в этих описаниях писатели XII-XIII вв. также полны заботы о соблюдении этикета, о максимальном обобщении эпизодов, о зрительном, внешнем их эффекте в первую очередь.

Говоря о князе, о с в о е м князе, летописец постоянно изображает его в парадных и официальных положениях: князь во главе своего войска; князь въезжает в свой город, его радостно встречают жители; князь "думает" с боярами; князь принимает и отряжает послов; князь первым кидается в битву и "ломает копьё"; тело князя с плачем хоронят жители, называя его защитником "сырых", "кормителем" и "нищелюбцем". Перед нами несколько церемониальных положений, каждое из которых прямо годилось бы для печати князя как его эмблема. В каждом из этих положений князь предстает перед читателем прежде всего как князь, в ореоле княжеской власти и княжеской славы. Именно такие положения встречаются на иконах, на стенах храмов или на монетах (монета Владимира с изображением его сидящим на престоле в иератической позе и выразительной подписью: "Володимер на столе, а се его серебро").

Князь предстает перед читателем или зрителем во всем блеске его княжеского достоинства. Летописец ловит его слова, фиксирует их, передает их в наиболее обобщенной форме - почти как сентенции, подчеркивает их мудрость и дальновидность, рисует князя только в значительные и торжественные моменты его жизни.

Вот Михалко и Всеволод въезжают во Владимир со славою и честью великою. "Узревше князя своя", выходят им навстречу владимирцы и духовенство с крестами¹⁸. В иных случаях народ, встречая возвращающихся с победой князей, поет им славу¹⁹.

Вот изображение победившего врагов Мстислава Мстиславича Галиц-кого. Он въезжает в Галич, встречается там с Даниилом Романовичем. "Все бо угре и ляхове убьени быша, а инии яти быша, а инии бегающе по земле истопоша, друзии же смерды избьени быша, и никому же утекши от них; тако бо милость от бога Руской земле"²⁰. Победенный враг - Судислав - обнимает колени Мстислава: "Обуимая нозе его, обещаю работе быти ему"²¹. Мстислав же прощает врага "и честью великою почтив его, и Звенигород дасть ему"²².

Еще более эффектно и импозантно картины парада княжеского войска с князем во главе. Парад войск Даниила Романовича описан под 1251 г. Воины Даниила представлены во всем их блеске: "Щите же их яко зоря бе, шолом же их яко солнцу восходящу, копием же их дръжашим в руках яко тръсти мнози, стрелцем же обапол идущим, и держащим в руках рожан" ци свое, и наложившим на не стрелы своя противу ратным. Данилови же на коне седящу и вое рядящу"²³. В следующем году Даниил Романович показывает войско свое немцам. В описании этого смотра еще большая роль принадлежит самому Даниилу. "Данила же приде к нему (к венгерскому королю.- Д. Л.), исполни вся люди свое. Немьци же дивящися оружью татарьскому: беша бо кони в личинах и в коярех кожаных, и людье во ярыщех, и бе полков его светлость велика, от оружья блистающа. Сам же еха подле короля, по обычаю руску: бе бо конь под ним дивлению подобен, и седло от злата жьжена, и стрелы и сабля златом украшена, иными хитростями, якоже дивитися, кожных же оловира грецького и круживы златыми плоскыми ошит, и сапозы зеленого хъза шити золотом. Немцем же зрящим, много дивящимся"²⁴. Фигура князя привлекает внимание летописца и в битве, когда князь обнажает меч, когда он ранен, когда оружие его в крови или пострадало от ударов врага: "И сулицы его кроваве суши и оскепищу иссечену от ударенья мечеваго"²⁵, - говорит летописец о Данииле в битве с венграми.

Большинство положений князя, в которых описывает его летописец, связаны с княжеским этикетом, они в какой-то мере церемониальны. Церемониальны не только встречи князя и его посажение на столе, но и такие, как езда "у стремени", что символизировало собой вассальную службу князя, его стояние "на костях" после битвы, "обличающее" победу²⁶, и т. д. Важно отметить, что во всех этих церемониальных положениях большое значение придавалось общественному признанию князя. Въезды князя в город после победы, для посажения на столе, встречаются сочувственно народом. Князь въезжает в город "с великою славою и честью"²⁷, а иногда летописец упоминает, что князю пелась слава, что народ встречал его, как пчелы встречают матку²⁸.

"Геральдические" положения найдены летописцем не только для своих, но и для врагов - например для Севенча Боняковича, стремившегося ударить своим мечом в Золотые ворота Киева, как ударил в них когда-то его-отец - хан Боняк, или для Владимирки Галицкого, обманувшего русских послов, лежа в постели, и посмеявшегося над другим послом, стоя на переходах из своего дворца в божницу. Слова того и другого выражают в лаконичной и почти "геральдической" форме смысл их действий: "Хочу сечи в Золотая ворота,- говорит Севенч Бонякович,- якоже и отец мой"; "поеха мужь русский, обуимав вся волости"²⁹, - говорит Владимирко Галицкий. Свежесть и сила этих эпизодов не в том, что в них отражен какой-то новый подход к

событиям, а в том только, что самые события для изображения взяты в них не совсем заурядные.

Враг изображается обычно в момент своего выступления в поход "в силе тяжце"³⁰ или в момент своего поражения, когда он бежит с позором, "дав плечи", или обнимает ноги победителя, "обещаяся работе быти ему"³¹. Боярин Доброслав выезжает "с великою гордынею", "во одной сорочце, гордящу, ни на землю смотрящу"³².

В этих изображениях внутренняя жизнь князя подчинена его внешнему изображению. Князь мудр, храбр, справедлив - в той мере, в какой это полагается ему там, где это нужно по "этикету". Всё совершается им в своем месте и в свое время. Князь поступает так, как нужно по воззрениям своего времени. Его личным привязанностям, вкусам, привычкам летописец уделяет место только тогда, когда это отражается на его судьбе. Болезнь князя описывается тогда, когда он болен смертельно. Въезд князя в город описывается тогда, когда он приезжает с победой из похода или для того, чтобы сесть на столе. Совет князя с боярами описывается тогда, когда принимается какое-либо мудрое решение. Князь не принадлежит самому себе. Он изображается только как представитель своего сословия, во-первых, и как исторический деятель, во-вторых.

Миниатюры Радзивилловской летописи выдержаны в едином стиле с текстом летописи XII-XIII вв. Они этикетны и геральдичны в самом точном смысле. В них иллюстрируются главным образом те положения, которые связаны с церемониалом и которые необходимо упомянуть по этикету. Посаждение князя на стол, въезд его в город, победа над врагами, прием послов, сцены инвеституры, осада князем или врагами города, подвиг князя в битве, похороны князя, выезд в поход, переговоры о мире и т. д., и т. п. - все эти действия воспроизведены до предела лаконично. Войско изображается условной группой, город - воротной башней, мирные переговоры - трубачами и т. д.³³

Хотя миниатюры Радзивилловской летописи и относятся к концу XV в., но по выбору сюжетов, по проникающему их духу феодального этикета они ближе всего стоят к XII и XIII вв., подтверждая тем самым гипотезу М. Д. Приселкова³⁴, А. В. Арциховского³⁵ и других о том, что они копировали миниатюры более древние - владимирского свода 1212 г.

* * *

Подобное изображение людей было, конечно, близко к их прославлению. Там, где древнерусский автор сознательно стремился дать читателю представление о том человеке, о котором он писал, обычно ясно ощущается и стремление прославить его, или, напротив, унижить. О задаче искусства как о задаче прославления прямо писал в своем "Слове на седьмую неделю по Пасце" Кирилл Туровский: "Историцы и ветиа, рекше летописци и песнотворци, прикланяють своа слухы в бывшая между царей рати и опол-чеиия, да украсять словесы слышащая и възвеличять крепко храбровав-шая и мужествовавшая по своем цари, и не давших в брани плещи врагомь, и тех славяще похвалами венчают"³⁶.

Общественное признание, "сава" князя, его "честь" - спутники феодальных добродетелей князя в писательском представлении того времени. Авторы XII-XIII вв. не знают коллизий между тем, что представляет собой князь, и тем, как воспринимают его окружающие: его вассалы и народ. Как мы уже сказали, добродетели князя все обращены во вне, доступны для оценки; авторы XII-XIII вв. не изображают скрытой, внутренней духовной жизни, которая могла бы быть неправильно понята окружающими. Вот почему добрая слава неизменно сопутствует доброму князю и служит как бы удостоверением его феодальных добродетелей. Вот почему в похвале князю, живому или мертвому, так часто говорится о его славе, о любви к нему народа.

Когда умер Владимир Мономах, "весь народ и вси людие по немь плакахуся, якоже дети по отцю или по матери"³⁷. По Изяславе Мстиславиче "плакалась" "вся Руская земля и вси Чернии Клобуци"³⁸. По Мстиславе Ростиславиче плакали все новгородцы - "все множество новгородское, и силнии, и худии, и нищии, и убозеи, и черноризьске"³⁹ и т. д. Плач по умершем - это и прославление князя, его заслуг, его доброты, его храбрости, обещание не забыть его доблести и его "приголубления". "Уже не можем, господине,- плачут новгородци по Мстиславе Ростиславиче,- поехати с тобою на иную землю, поганых поработити во область Новго-родьскую: ты бо много молвяшеть, господине нашъ, хотя на все стороне поганья; добро бы ныне, господине, с тобою умрети створшему толикую свобод} новгородцем от поганых, якоже и дед твой Мьстислав свободил ны бяше от всех обид; ты же бяше, господине мой, сему поревновал и наследил путь деда своего; ныне же, господине, уже к тому не можем тебе узрети, уже бо солнце наше зайде ны и во обиде всим остахом"⁴⁰. Все эти плачи и прославления, конечно, далеки от передачи действительных: они в высокой степени литературны и традиционны.

Есть и другая сторона в этом общественном признании князя. Князь и вассалы, князь и народ составляют единое целое, связанное феодальными отношениями. Народ составляет неизменный и безличный фон, на котором с наибольшей яркостью выступает фигура князя. Народ как бы только обрамляет группу князей. Он выражает радость по поводу их посажения на стол, печаль по поводу их смерти, поет славу князьям при их возвращении из победоносных походов; он всегда выступает в унисон, без единого индивидуального голоса, массой, в которой неразличимы отдельные личности, хотя бы безымянные, вроде тех безликих групп, которые условно изображаются на иконах и фресках аккуратно разрисованными рядами голов, за ровным первым рядом которых только едва выступают верхушки голов второго ряда, за ним третьего, четвертого и т. д.- без единого лица, без единой индивидуальной черты. Их единственное отмечаемое достоинство - верность князю, верность феодалу.

Это вполне согласуется с основами феодальной идеологии. Князья постоянно требуют от населения верности себе. В свою очередь и население неоднократно заверяет в летописи князя о своей верности. Верность, преданность и любовь к князю народа окружают его, как ореолом. Могущество феодала тем больше, чем более преданы ему народ и вассалы. Чтобы возвеличить князя, надо подчеркнуть преданность ему его людей, готовность их в любое время выступить со своим князем по его призыву.

Описания преданности горожан своему князю обычны в летописи: народ, горожане, вассалы постоянно изъявляют готовность сложить за своего князя головы, заверяют его в своей верности и любви к нему. Изяслав Мстиславич входит в Киев, "хваля и славя бога... и выидоша противу ему множество народа и игумени с черноризци и Попове всего города Кыева в ризах"⁴¹. Горожане радуются княжескому "седению" в их городе⁴². Они действуют по формуле: "Мы людие твое, а ты еси наш князь"⁴³. Подобно тому, как полки "жадахуть боя" за своего князя⁴⁴, и горожане заявляют князьям: "Аче ны ся и, (с) детьми бити за тя, а ради ся бьем за тя"⁴⁵ или: "Кде узрим стяг ваю, ту мы готовы ваю есмы"⁴⁶. Горожане обещают князю оставаться верными в самых сильных выражениях: "...оли ся с ним смертью розлучити", - говорят смоляне о сыне Ростислава Мстиславича⁴⁷. Галицкий летописец дал в своих записях красочное описание встречи горожанами своего князя Даниила Романовича: "Они же вокликнувше реша: "яко се есть держатель наш, богом даный" - и пустишася яко дети ко отчю, яко пчелы к матце, яко жажющи воды ко источнику"⁴⁸.

Самому суровому осуждению подвергаются летописцем те горожане, которые проявляют к князьям "злое неверствие"⁴⁹, и, напротив, получают одобрение те, которые твердо держатся своего князя, своей княжеской ветви - "племени Володимера"⁵⁰ или "племени" Мстислава и не могут "руки подъяти" на его представителей⁵¹. Во всех случаях изъявления преданности горожане выступают как единое целое - безликой и сплоченной массой. Душевные движения всех новгородцев как единого целого широко представлены, например, в Новгородской первой летописи. Новгородцы то радуются своему князю, то печалются его неудачам, то выражают ему преданность. Их отношения с князьями идилличны. Новгородцы заявляют Мстиславу Мстиславичу: "Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вържем"⁵². Они идут с ним на юг, но под Смоленском отказываются идти дальше, и тогда Мстислав, "человав всех, поклонився поиди"⁵³. Впрочем, на следующий год сам Мстислав отказывается от новгородцев - "суть ми орудия в Руси, а вы вольни в князех"⁵⁴, - и новгородцы не в обиде. Патетически заявленная верность князя народу и народа князю могла при известных условиях нарушаться со взаимного согласия. Во всяком случае нарушения верности не становились реже от того, что верность эта прокламировалась при всяком удобном случае с аффектацией и официальной торжественностью.

Верность народа, дружины князю подкрепляется феодальной верностью ему его вассалов. Верность - основная положительная черта и народа, и вассалов князя в изображении летописца. Главная обязанность вассалов - "ездить подле стремени князя"⁵⁵, т. е. верно выполнять князю военную службу, участвовать в его походах и войнах. Мужичелуют крест своим князьям "добра хотети и чести стеречи"⁵⁶. Вассалы князя выражают готовность немедленно прийти к нему на помощь. Венгры говорят Изяславу Мстиславичу, что они "готовы", а "комони" "под ними"⁵⁷. Черные клобуки заверяют Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича: "Хочем же за отца вашего за Вячьслава и за тя, и за брата твоего Ростислава, и за всю братью, и головы свое сложити, да любо честь вашу налезем, паки ли хочем с вами ту измерети"⁵⁸. То же говорят и берендеи Юрию Долгорукому: "Мы умираем за Русскую землю с твоим сыном и головы своя съкладаем за твою честь"⁵⁹. Обещание умереть за своего сюзерена Владимира Васильковича дает и Литва: "Володимере, добрый кня-же, правдивый! Можем за тя головы свое сложити; коли ти любо, осе есмы готовы".

Литовцы же говорят ему, приходя к Берестью: "Ты нас возвел, да поведи ны куда; а се мы готовы, на то есмы пришли"⁶⁰.

Атмосфера неуклонного выполнения вассальной службы князю служит его возвеличиванию. В вассальную службу включается даже боевой конь князя. Преданность коня служит как бы назидательным примером для вассалов князя и заставляет воздать ему почести. Конь Андрея Боголюбского, пожертвовав собой, спас ему жизнь и был им похоронен с почестями: "Конь же его (Андрея Боголюбского.- Д. Л.), язвен велми, унес господина своего, умре; князь же Андрей, жалую комоньства его, повеле и погresti над Стырем"⁶¹.

Вассальная верность далеко не бескорыстна. Она оплачивается князем его "лаской", "хлебом", "медвяной чашей" и дорогим "портищем", но от этого отнюдь не становится в глазах писателя XII-XIII вв. менее похвальной. Напротив, авторы часто говорят с похвалой о верности, как бы оплачивающей доброту князя.

Верность князю так выразил в своем "Молении" Даниил Заточник: "Яз не могу, как на свет посмотри и на луну солнечну, то аз, госпоже осподарыне, на государя подумати за его доброту и ласку, и за портище драгоценное, и за его хлеб и сол, и за чашу медвяную"⁶². О том же портище вспомнил и Кузьмище Киянин, когда упрекнул за измену своему князю Андрею ясина Амбала: "Помнишь ли... в которых порьтех пришел бяшеть (к князю.- Д. Л.)? Ты ныне в оксамите стоиши, а князь наг лежит"⁶³. О хлебе и чаше говорит летописец и в похвале ростовскому князю Васильку Константиновичу: "Кто ему (Васильку.- Д. Л.) служил и хлеб его ел, и чашу пил, и дары имал, тот никако же у иного князя можаше быти за любовь его"⁶⁴. Феодальная верность - это как бы плата вассала за его кормление и защиту. За измену своему князю Даниил Заточник предлагает: "За тую лихую меру от булатна меча своею мне головкою отлити та чаша медвяная кровию"⁶⁵. Медвяная чаша отольется изменнику чашею крови. Измена князю - самое большое преступление, и в действительности за нее полагалась смертная казнь⁶⁶.

* * *

Отношения вассалитета-сюзеренитета определяются взаимными обязанностями. Строгое выполнение вассалами своих обязанностей укрепляет авторитет сюзерена. Строгое выполнение сюзереном своих обязанностей по отношению к вассалам укрепляет его еще более. Авторы XI-XIII вв. ставят князя на пьедестал вассальных повинностей и украшают его обязанностями сюзерена.

Если князь не считается со своими вассальными князьями, они отказываются ему служить. Так было с Юрием Долгоруким, которому южные князья прямо бросили упрек: "...но с нами не умеет жити"⁶⁷.

Повинности князя по отношению к своим боярам и дружине определены четко. Князь должен быть щедр к ним и во всем советоваться с ними - "о строем земленом" и о воинских делах. Иногда эти обязанности князя разделены: среди его приближенных есть "мужи храборьствующие", к которым он щедр, и "бояре думающие", с которыми он совещается в совете⁶⁸.

Щедрость князя находит своеобразное идейное обоснование в афоризме летописца: "Златом и серебром не добудешь дружины, а дружиною добудешь и серебро и злато". Повесть временных лет неоднократно напоминает об этой дружинной морали.

Так, например, в рассказе Повести временных лет о прибытии в Киев немецкого посольства проведена та мысль, что дружина дороже всякого богатства. "Се ни в что же есть, се бо лежить мертво,- говорят послы о богатствах Святослава.- Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищють и больше сего"⁶⁹. В сходных выражениях говорит в Повести временных лет и Владимир Святославич: "Сребромь и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато, яко же дед мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра"⁷⁰.

С небольшими вариантами эта мораль постоянно повторяется и в летописях XII-XIII вв. Князь Святослав Ростиславич был "храбор на рати", "имеяше дружину (в чести) и именья не щадяше, не сбираше злата и сребра, но даваше дружине"⁷¹. Тот же мотив звучит и в характеристике Давида Ростиславича: "Бе бо крепок на рати, всегда бо тосняшеться на великая дела, злата и сребра не собирает, но даеть дружине, бе бо любя дружину, а злыя кажня, якоже подобаеть царемь творити"⁷². Щедрость князя восхваляется в летописи неоднократно⁷³, как неоднократно осуждается в ней и княжеская жадность⁷⁴. Эта мораль отчетливо выражена в "Молении" Даниила Заточника. Неоднократно взывая к щедрости князя, Даниил прямо повторяет и летописную формулу: "Златом бо мужей добрых не добудешь, а мужми злато и серебро и градов добудет"⁷⁵.

Другая обязанность князя по отношению к своей дружине и боярам - во всем советоваться с ними. Как известно, отступление князя Святополка от этого правила вызвало конфликт между ним и старшей дружиной⁷⁶.

Было бы неправильно видеть в обычае князей советоваться с дружиной их консерватизм, остатки военной демократии. Авторы XII-XIII вв., восхваляя князей, неоднократно говорят об этом обычае, выставляя следование ему одной из важнейших добродетелей князя.

Летописец высоко ценит тех князей, которые свою деятельность согласуют с верхами феодального общества-с "лучшей дружиной". Думать думу с дружиной, совещаться с ней - основная княжеская обязанность. Сын Юрия Долгорукого Глеб Юрьевич "думашеть с дружиною своею"⁷⁷, - летописец хвалит его за это. Теплую похвалу летописца заслужил и Мстислав Ростиславич, который "прилежно бо тщашеться, хотя страдати от всего сердца за отчину свою, всегда бо на великая дела тьснася, размыш-ливая с мужи своими, хотя исполнити отечьствие свое"⁷⁸.

Князь, во всем советующийся с дружиной, заслуживает похвалы. Перечисляя выдающиеся добродетели своего князя, летописец наряду с тем, что он "хоробор", "крепок на рати", "немало показал мужьство свое", упоминает и о том, что он был "думен", т. е. совещался с дружиной⁷⁹.

Вассалы князя отказываются служить ему, если он не совещается с ними. Бояре Владимира Мстиславича заявляют ему: "О собе еси, княже, замыслил; а не едем по тебе, мы того не ведали"⁸⁰.

Переводя в практический план эту феодальную мораль, Даниил Заточник говорил: "З добрым бо думцею думая, князь висока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меншего лишен будеть"⁸¹. Князь обязан быть дружен со своей дружиной. Совместно с нею он "держает" на поганых и побеждает их⁸². Он сохраняет ей верность, предпочитая дружину не только золоту и серебру, но и княжению. "Леплее ми того смерть,- говорит сын Владимира Мономаха Андрей Владимирович Добрый,- а с своею дружиною на своей воочине, и на дедине нежели Курьское княженье"⁸³. За свою дружину, за ее честь и "жизнь" князь готов пожертвовать своею головою: "Любо голову свою сложю, паки ли отчину свою налезу и вашу всю жизнь"⁸⁴, - говорит Изяслав Мстиславич своей дружине.

Хваля князя за то, что он "немало мужства показа" и "много пота утер" за Русскую землю, летописец не забывает прибавить: "с дружиною своею" и "с мужьми своими"⁸⁵.

* * *

Идеал князя основывается на определенных представлениях о чести и о "сороме". Он потому так прочен в литературных произведениях XI- XIII вв., что опирается на представления, широко распространенные в верхах феодального общества.

Главные добродетели князя - быть "величавым на ратный чин", быть готовым жертвовать своей жизнью за свою честь, за честь Русской земли, мстить за свой "сором"⁸⁶ или "сором" Руси. Формула "да любо налезу собе славу, а любо голову свою сложю за Русьскую землю"⁸⁷, с небольшими вариантами неоднократно повторяется в речах князей на всем протяжении XII-XIII вв.⁸⁸

Даниил Романович Галицкий так определил основную заповедь княжеско-дружинной воинской морали: "Подобаеть воину, устремившуся на брань, или победу прияти, или пастися от ратных"⁸⁹.

Бесстрашие в бою - одна из важнейших черт в идеальном портрете князя. Летопись неоднократно говорит о том или ином князе, что он был "хоробр и крепок на рать", "спешаше бо и тосняшешя на войну", от юности навык никого не "уполошится", что сердце его было "крепко на брань", что он был "мужь добр и дерзок и крепок на рати", "умом велик и дерзостью" и т. д. Презрение к смерти хорошо выражено в ободряющих словах, которые сказал Даниил Романович своим союзникам полякам: "Почто ужасываетесь? не весте ли, яко война без падших мертвых не бывает? не весте ли, яко на мужи на ратные наши есте, а аде на жены? аще мужь убьен есть на рати, то кое чюдо есть? инии же и дома умирають без славы, си же со славою умроша, укрепите сердца ваша и подвигнете оружие свое на ратнее"⁹⁰.

Эта мораль воинов была знакома не только княжеско-дружинной среде. Формулу "любо голову свою сложю, любо сором свой мщю" развивает в своем слове "О

терпении и милостыне" и Феодосии Печерский. Христианскую мораль он пытается подкрепить примером морали воинской. Он говорит о воинах, что они "главы своя ни в что же помнят, дабы им не посрам-ленным быти"⁹¹.

Как и в иных случаях, летописцу важно при этом подчеркнуть действия, а не психологическое состояние героя своего повествования. Хваля его за мужество и храбрость, писатель XII-XIII вв. имеет в виду в первую очередь результаты этой храбрости: его победы, страх, нагнанный им на врагов Русской земли, приобретенную им славу "грозного" и непобедимого князя. Некрологическая характеристика Владимира Мономаха подчеркивает, что это был князь, "украшенный добрыми нравами, прослуемый в победах, его имени трепетаху вся страны и по всем землям проиде слух его"⁹².

О страхе, который нагнал князь на врагов, летописец говорит, характеризуя сына Мономаха, Мстислава, Романа Галицкого, Даниила Романовича; об этом же говорится в житийной характеристике Александра Невского, в "Слове о погибели Русской земли" и во многих других произведениях.

Храбрость князей авторы XII-XIII вв. стремятся подчеркнуть не только в похвальных характеристиках им, но и в описании их действий.

Одна из самых важных добродетелей князя - быть впереди своего войска, первым бросаться в битву, побеждать врагов в рукопашной схватке. Этот обычай, следовать которому обязан молодой князь и по которому судят о своем князе его воины и народ, так объяснен в Ипатьевской летописи. "Мужи браннии" говорят Даниилу Романовичу Галицкому: ",Ты еси король, голова всим полком; аще нас послеша наперед кого, не послушно еси! веси бо ты войничьский чин, на ратех обычай ти еси, и всякий ся тебе усрамить и убоиться; изыди сам наперед". Даниил же, изрядив полки, и кому полком ходити, сам изиде наперед, и... сам же еха в мале отрок оружных"⁹³. Так наперед выезжал сам Даниил и раньше - в битве на Калке; он бьется крепко, "бе бо дерз и храбор, от главы и до ногу его не бе на немь порока"⁹⁴. Он не чувствует ран, нанесенных ему в битве: "Младь-ства ради и буести не чюяше ран, бывших на телеси его: бе бо возрастом 18 лет, бе бо силен"⁹⁵. Еще раньше, когда Даниил был совсем молод, он уже участвовал в битве, укрепляя своих воинов, помогая воинам, которые, "мужескы ездяща", бились с противником. В битве с ятвягами Даниил гонится за ними, наносит раны, вышибает копье из рук врага. Он помогает брату Васильку ("обратися брату на помощь")⁹⁶. Дружина бьется не крепко, когда нет с ней князя, и это хорошо осознают сами князья: "Черниговцем же, бьющимся из города, князи же здумавше вси: "Не крепко бьются дружина, ни половци, оже с ними не ездим сами"⁹⁷.

Поединкам князя с врагом уделяется особое место в его характеристике. Слава князя не в малой степени зависит от поведения князя в битве. Отправляясь против врага в рукопашную схватку, Андрей Боголюбский говорит: "Ат яз почну день свой"⁹⁸. Он придает своему поступку демонстративный характер. Он первым обнажает меч и первым ломает копье, выезжая впереди дружины. Андрей Боголюбский "въехал преже всех в противныя, и дружина его по нем, и изломи копье свое в супротивье своем"⁹⁹. Прочие князья стремятся подражать своему сюзерену. Так, в 1152 г. "тогда же поревновавше ему (Андрею Боголюбскому.- Д. Л.) инии князи, ездяща последи

под город"¹⁰⁰. Князя-победителя славят "мужи отни"-старые воины его отца. В 1149 г. "мужи отни похвалу ему даша велику, зане мужьскы створи паче всех бывших ту"¹⁰¹. Но иной раз бояре говорят своему князю: "Ты еси у нас князь один, оже тебе ся что створить, то что нам деяти?" - и не выпускают князя на стычки с врагом¹⁰².

Единоборство князя постоянно упоминается в летописи: в рассказе об Изяславе Мстиславиче - "и тако перед всими полкы въеха Изяслав один в полкы ратных, и копье свое изломи"¹⁰³; в повествовании о Мстиславе Андреевиче Суздальском, который под Новгородом "въеха в ворота, и побод мужей неколько, возворотися опять к своим"¹⁰⁴; в описании походов Изяслава Глебовича (внука Юрия Долгорукого), который в битве с волжскими болгарами, "въгнав за плот к воротам городным, изломи копье"¹⁰⁵.

Летописец пишет об этих поединках князя и славит за них князя именно потому, что за них же славили князя и его воины, горожане, народ, потому, что именно эти подвиги князя составляли существенную часть его воинской славы.

Мужество на войне согласуется с мужеством на охоте. Война и охота - два княжеских дела, в их несколько архаическом уже для эпохи феодализма сочетании. "Путями" и "ловами", т. е. походами и охотами, гордится Владимир Мономах, перечисляя свои подвиги тут и там: "А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружал, пути дея и ловы"¹⁰⁶; "а се тружахься ловы дея... конь диких своима руками связал есмь в пущах 10 и 20, живых конь, а кроме того иже по Рови ездя, имал есмь своима рукама те же кони дикие; тура мя 2 метала на розех и с конем; олень мя один бол, а 2 лоси - один ногами топтал, а другой рогома бол; вепрь ми на бедре мечь оттял; медведь ми у колена подьклада укусил; лютый зверь скочил ко мне на бедра и конь со мною поверже, и бог неврежена мя съблюде; и с коня много падах; голову си розбих дважды и руце и нозе свои вередих. В уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своя"¹⁰⁷. Не щадить своей головы, оказывается, следует не только на войне, в битве с противником, соблюдая свою честь и честь родины, но и на охоте. Такова мораль феодалов.

За беззаветную храбрость на охоте хвалит летописец и волынского князя Владимира Васильковича. Так же, как и Владимир Мономах, он не щадил на охоте собственной головы и делал всё сам, своими руками. "Бяшетъ бо и сам ловець добр, хоробр,- пишет о нем волынский летописец,- николи же ко вепреви и ни к Медведеве не ждаше слуг своих, а быша ему помогли, скоро сам убиваше всяки зверь; тем же и прослыл бяшетъ во всей земле, понеже дал бяшетъ ему бог вазнь не токмо и на одиных ловех, но и во всем, за его добро и правду"¹⁰⁸.

Мужество на охоте, как и мужество на войне, окружало феодала ореолом славы. Летописец говорит о брестском воеводе Тите, что он "езде словый мужьством на ратех и на ловех"¹⁰⁹. "Добро" и "правда" феодала - в его подвигах и в славе, которая эти подвиги сопровождает.

* * *

Воинские доблести князя интересуют летописца не только сами по себе. Он думает о княжестве, о Русской земле. Своей доблестью князь подает пример своим воинам. Князь олицетворяет могущество и достоинство своей страны.

Вот почему среди добродетелей князя перечисляются добрые качества не только воина, но и государственного человека. В этом отношении исключительный интерес представляет в Повести временных лет характеристика Ярослава Мудрого (под 1037 г.). Здесь в первую очередь восхваляется его строительная деятельность и его заботы о книжном просвещении.

И в характеристике Ярослава Осмомысла Галицкого подчеркивается то, что он "мудр и речен языком, и богобоин, и честен в землях". На последнем месте в этой характеристике упоминается то, что он был "славен полкы", причем отмечается, что он не сам ходил в походы, а только посылал войско: "Где бо бяшетъ ему обида, сам не ходяшетъ полкы своими (но посыла-шетъ я с вое) водами"¹¹⁰.

Идеал князя XI-XIII вв. был неотделим от идей патриотизма. Идеальный образ князя,- такой, какой он рисовался летописцу,- был воплощением любви к родине: к отчине, к Русской земле. Князь служит Русской земле, готов сложить за нее голову, готов со своею дружиною тотчас же выступить в поход против ее недругов, забыть свои обиды для того, чтобы "мстить обиды" Русской земли.

Князья обещают "терпеть за Рускую землю"¹¹¹, "за крестьяны и за Рускую землю головы свое сложити"¹¹², "Руской земли блюсти"¹¹³, "стеречь Рускую землю"¹¹⁴, "трудиться за свою отчину"¹¹⁵. Не раз обращаются они друг к другу с призывом помириться, "хрестьян деля и всее Руской земли"¹¹⁶, не проливать крови христианской "Руские деля земля и хрестьян деля"¹¹⁷.

Летописец говорит о князе, что он был "добрый страдалец за Рускую землю"¹¹⁸. Блюсти интересы Русской земли и "хрестьян"-не только долг князя. Летописец подчеркивает, что долг этот совпадал с личными чувствами князя. Князь мог "опечалиться Рускою землею"¹¹⁹, он хочет ей добра всем сердцем¹²⁰ и мечтает умереть на своей Родине. Так Ростислав Иванович (сын Ивана Берладника) говорит: "А яз не хочю блудити в чюже земле, но хочу голову свою положити во отчине своей"¹²¹. Он и в самом деле выполняет свое желание - умирает на родной земле, и летописец подчеркивает это обстоятельство как положительно его характеризующее.

Желание умереть на родине так понятно летописцу, что он приписывает его и чужеземцу-половецкому хану Отроку. Отрок говорит: "Да луче есть на своей земле костью лечи, нели на чюже славну быти"¹²².

Патриотизм был не только долгом, но и убеждением тех русских князей, образы которых рисовали летописцы положительными чертами. Конечно, летописцы XI-XIII вв. иногда отражали в своем идеале княжеского поведения представления не только феодальных верхов, но и свои собственные, а собственные их представления не всегда совпадали с представлениями феодалов. Вот почему княжеский патриотизм, ограниченный во многом феодальными представлениями, в изображении летописцев иногда наделяется чертами, свойственными народному патриотизму.

Какова была действенная роль характеристик князей в описании и истолковании исторических событий в летописи? Летописцы древней Руси придавали исключительное значение в историческом процессе поступкам князей, их распоряжениям, их политике. События вершатся, с точки зрения летописцев, волей князей, но это не означает признания роли их личных индивидуальных характеров в историческом процессе. Только в конце XVI-начале XVII в внимание авторов исторических повестей, русских статей в Хронографе и публицистических произведений, как мы уже видели, оказалось приковано к реальным личным характерам исторических лиц, якобы обуславливавшим собой движение исторического процесса. В летописях XI-XIII вв. дело обстоит значительно проще: здесь почти нет столкновений характеров и нет связи развития исторических событий с характерами их участников, но есть столкновения интересов, притязаний, генеалогические споры. При этом по большей части каждый князь совершает свое жизненное дело как представитель определенной ветви княжеского рода. Этот взгляд также шел от жизни. Жители городов и княжеств приглашали, встречали или прогоняли князей как носителей определенных династических интересов и династической традиционной политики, определяемой местом данного князя в генеалогическом дереве княжеского рода. Так, например, новгородцы говорят Всеволоду Юрьевичу Суздальскому: "Не хотим сына твоего, ни брата, ни племени [вашего, но хотим племени] Володимера"¹²³. Киевляне говорят Изяславу Мстиславичу: "Княже! ты ся на нас не гневай, не можем на Володимире племя руки възняти"¹²⁴. Собираясь убить Игоря Ольговича, киевляне говорили: "Мы ведаем, оже не кончати добромь с тем племенем, ни вам, ни нам, коли любо"¹²⁵. Посылая за новыми князьями к Михаилу и Всеволоду Суздальским, суздальцы, ростовцы и переяславцы говорят им: "Ваю отець добр был, коли у нас был; а поедьта к нам княжить, а иных не хотим"¹²⁶. Сын, следовательно, принимался по отцу. Так было и в других случаях: внук приглашался по деду и прадеду, по принадлежности его к определенному роду, т. е., по понятиям того времени, к определенной политической линии.

В свою очередь и князь говорит своим горожанам: "Вы есте людие деда моего и отца моего, а бог вы помози"¹²⁷. Родовая политика, честь, традиции рода ясно осознавались и самими князьями. Андрей Владимирович Добрый, сын Владимира Мономаха, говорил по поводу своей готовности пострадать за свою отчину: "Обаче не дивно нашему роду, тако и преже было же"¹²⁸. Эта родовая политика часто называется в летописи "путем", "честью" и "утверждением" предков. Князья нередко предпринимают те или иные действия, чтобы "поискати отець своих и дед своих пути и своей чести"¹²⁹. Изяслав Мстиславич посылал своих послов в Чернигов к Владимиру и Изяславу Давыдовичам с многозначительными словами: "Се есмы путь замысли велик, а то есть утверждение дед наших и отець наших"¹³⁰.

Князья "ревнуют" своим предкам, стремятся "поревновать" своим отцам и дедам. Самое понятие "ревности" предкам переносится из светской: области и в церковную. "Ревновать" отцу своему можно не только в воинской славе, но и в церковной. Вдова Глеба Всеславича "велику имеяше лю-бов с князем своим, к святей богородици и к отцю Федосью, ревнующи отцю своему Ярополку"¹³¹.

В некрологических характеристиках князей постоянно упоминается эта родовая политика, родовой "путь" и "пот", их "ревность" предкам. Так, например, о сыне Владимира Мономаха, Мстиславе Великом, автор некролога говорит, что он "наследил отца своего пот, Володимера Мономаха великаго"¹³². Князья и сами постоянно осознают себя "Володимеровым племенем"¹³³ или "Ольговичами", "единого деда внуками"¹³⁴, "внуками Ярославлими" или "Всеславлими".

Индивидуальность князя, в летописном изображении, вырисовывалась из сравнения его с князьями его рода, которым он "ревновал" в своих действиях и княжении. В некрологической характеристике брата Игоря Святославича Новгород-Северского говорится, что он "во Ольговичех всих удалее рожаемь, и воспитаемь, и возрастом, и всею добротою и мужьственною доблестью, и любовь имеяше ко всим"¹³⁴.

Отсюда возникала возможность характеристики не только одного князя, но целой ветви княжеского дома - характеристики положительной или осудительной, в зависимости от той политической ориентации, которой придерживался летописец. Ольговичи "скори бяхуть на пролитье крови"¹³⁶, - говорит летописец по случаю неудачной попытки примирения между Юрием Долгоруким и южными князьями. Эта характеристика как бы смыкается по приемам своего составления с народными характеристиками целых групп населения - новгородцев, владимирцев, курян, рязанцев и т. д., о которых мы скажем несколько ниже. Однако в письменной литературе ее основы другие: они в том, что, характеризуя героя своего повествования, летописец имеет в виду не его психологию, а его политику, характеризует деятельность того или иного князя, его политическую линию, его поступки, а не их психологическую подоплеку.

* * *

Характер человеческий выступает в творениях древнерусского книжника в двух аспектах: либо как сам книжник хотел его представить - в его авторской "системе", либо как мы сами можем его реконструировать по сообщаемым этим книжником фактам - прямо и косвенно. Возможности "последнего аспекта неограниченны. Реконструкция эта может быть осуществлена и на основании литературных данных, и на основании документов. Не исключена возможность привлечения данных из области археологии, истории живописи или даже истории языка. Такова, например, попытка Б. А. Романова в его книге "Люди и нравы древней Руси" (Л., 1947) восстановить характеры некоторых людей XI-XIII вв. - Даниила Заточника, Владимира Мономаха, матери Феодосия Печерского и многих других, охарактеризовать круг интересов целых социальных групп древней Руси.

Литературоведа будет интересовать по преимуществу первый аспект, историка - второй. Литературоведа будет интересовать по преимуществу литература и авторская точка зрения, историка - реальная действительность и скрывающаяся за литературным произведением подлинная человеческая личность. Однако, поскольку литература не оторвана от действительности, а напротив, тесно с ней связана, зависит от нее, - грани между первым и вторым аспектами не так уж велики. Было бы неправильно игнорировать в литературоведении этот второй, "исторический", аспект. Между литературным стереотипом в изображении человека и стихийно проникающими в

письменное произведение фактами реальной жизни, рисуящими совсем иные, жизненно реальные характеры людей, лежало множество градаций. Летописец или автор исторической повести нередко более или менее сознательно отклонялся от идеалов феодального класса, от трафаретных приемов характеристики людей - то отдавая дань своим личным вкусам, то испытывая на себе воздействие народного творчества, то поддаваясь тем изменениям в оценке деятельности князей, которые возникали в связи с изменениями в идейных представлениях под влиянием местных особенностей социального строя. Именно на этой грани официального и неофициального рождались все отступления от господствующего трафарета, возникало то качественно новое, что, постепенно накапливаясь, двигало литературное развитие к новым методам изображения действительности.

Чем прочнее стоял писатель XI-XIII вв. на идеальных позициях феодального класса, тем прочнее входил в его произведение стереотип в изображении человека, тем консервативнее был он в своих идейных и художественных позициях. Но стоило писателю отступить от этих позиций, дав волю своим личным впечатлениям, неизменно отражающим какие-то особенности в его социальной позиции, проявить личное чувство к тому или иному изображаемому им лицу - и элементы (пусть незначительные) нового, менее традиционного и более своеобразного отношения к действительности проникали в его произведение.

Впрочем, индивидуальные интересы отражаются в литературных портретах лишь случайно. Идеал поведения порождался не индивидуальными вкусами, а социальным строем. Вот почему в различных областях Руси с различной расстановкой классовых и внутриклассовых сил мы видим некоторые различия в обрисовке идеала княжеского поведения. И эти различия также ведут к расшатыванию стереотипа в изображении человеческой личности. Характерно, например, что новгородские летописи слабо отразили образы князей. Это и понятно. Идеал существовал там, где он был необходим. В политическом же устройстве Новгорода князь занимал второстепенное место.

В новгородских летописях почти нет характеристик князей. Только об Александре Невском и Мстиславе Ростиславиче говорится с какой-то особенной значительностью, позволяющей думать, что новгородцы ценили их деятельность или что князья эти пришлись по сердцу новгородцам и летописцам. В сообщении Новгородской летописи о смерти Александра Невского есть и краткая оценка его деятельности: "Дай, господи милостивый, видети ему лице твое в будущий век, иже потрудися за Новгород и за всю Русьскую землю"¹³⁷.

Плач новгородцев по Мстиславе Ростиславиче рисует идеального князя, но идеального именно в понимании новгородцев, которое чувствуется только в оттенках, не приобрело еще законченного выражения, и понятно, почему: идеал князя входил в летописи из действительности, сами же князья, княжившие в Новгороде, следовали своим, общерусским идеалам княжеского поведения, и только новгородцы смотрели на них несколько иначе, чем в других областях Руси. Мстислав Ростиславич сотворил "толикую свободу новгородцем от поганых", освободил их от обид. На все стороны оборонял он Новгород от поганых, "поревновал" и "наследил путь" деда своего, новгородского князя Мстислава Владимировича. Был он "крепок на рати, всегда бо

тосняшеться умрети за Рускую землю и за хрестьяны"¹³⁸. Он "подавал дерзость" воинам своими речами и от всего сердца бился за свою отчину. Был он "любезнив на дружину, и имения не щадяшеть и не сбирашеть злата ни сребра, но даяше дружине своей"¹³⁹. Русская земля не могла забыть "доблести его", а черные клобуки "приголубления его"¹⁴⁰. В этой характеристике лишь осторожно отобраны те черты, которые не претили новгородцам. Образ Мстислава Ростиславича только немного повернут в их сторону. Сильнее этот "новгородский поворот" чувствуется в Новгородской первой летописи в характеристике другого Мстислава - Мстислава Мстиславича. Этот князь уважал новгородские вольности, не вмешивался во внутренние дела Новгорода, был верен святой Софии, в которой лежало тело его отца, был храбр, понимал желания новгородцев и предоставлял им действовать по всей воле их.

Иной идеал княжеского поведения создан в верхах феодального общества Владимира Залесского. Характеристика Всеволода Большое Гнездо под 1212 г. частично повторяет характеристику Владимира Мономаха: "Сего имени токмо трепетаху вся страны и по всей земли изиде слух его... и бог покаряше под нозе его вся врагы его" . Но, кроме того, этот некролог сохраняет и особенности чисто владимирские. В нем подчеркнута борьба Всеволода с боярством и его судебная деятельность: "Судя суд истинен и нелицемерен, не обинуяся лица сильных своих бояр, обидящих менших и роботящих сироты и насилье творящих"¹⁴¹ . Во Владимире Залесском созрел идеал сильной княжеской власти, идеал этот впоследствии был подхвачен и развит Москвой.

В летописи, под углом зрения определенного идеала, создаются характеристики князей, отчасти по одной системе отбираются факты, но сами факты, непосредственно взятые из жизни, во всем их индивидуальном своеобразии, придают рассказу черты документальности. Этих черт в летописном повествовании появляется тем больше, чем менее официален летописец, чем меньше он связан задачей изобразить и истолковать события в свете определенной политической линии. И сама характеристика князя становится менее подчиненной идеалу, отражающему эту линию, если летописец говорит о князе лишь попутно, не ставя себе целью дать его обобщенный портрет.

С какой бы ясностью перед нами ни выступал стереотип в изображении человека, было бы неправильно сводить к нему всё летописное искусство в изображении людей. В летописи нет и двух князей, и двух положений, которые были бы обрисованы с полною одинаковостью. Феодальный идеал человека был прежде всего средством измерения людей, их оценки с точки зрения феодальной морали и феодальных норм поведения.

Люди, их поведение обсуждаются в основном с точки зрения того идеала, которому они должны соответствовать по своему социальному положению. Эти идеалы существуют в литературе, в летописи, но складываются они, как мы уже указывали, в действительности. Нормы поведения человека в феодальном обществе отнюдь не литературного, а конкретно-жизненного происхождения. В литературу эти идеалы поведения пришли из жизни. Этим идеалам стремятся следовать сами люди. Однако литература подчиняется им далеко не в такой мере, как люди. Так, например,

Владимир Мономах подчинял идеалу княжеского поведения всю свою деятельность. Описывая свою жизнь - свои "пути" и "ловы", он создавал не литературный идеал, а жизненный. Он стремился создать о себе определенную славу, молву. Это стремление он, конечно, осуществлял в жизни в гораздо большей мере, чем в своих сочинениях. Этот идеал заставлял Мономаха отказаться от киевского стола, на который его приглашали киевляне, а Мстислава Удалого - добровольно проститься со своею дружиною тогда именно, когда она ему была больше всего нужна¹⁴², Андрея же Боголюбского - первым выезжать на стычки с врагом. Следуя этим идеалам, литература обращала внимание вовсе не на все стороны деятельности князей или кого-либо другого, а лишь на некоторые, особо важные для их оценки. Зависимые авторы и летописцы стремились изобразить своего князя наиболее соответствующим идеалу княжеского поведения.

И всё же летописец умел находить способы для изображения таких положений, которые с какой-то новой стороны показывали и самый идеал, и тех, кто от него отступал. Вот ослепленного Василька Тербовльского везут в телеге в бессознательном состоянии. В городе Звиздене попадая, приняв его за мертвого, сняла с него окровавленную рубашку и постирала ее. Очнувшись, Василько сказал: "Чему есте сняли с мене? Да бых в той сорочке кроваве смерть приял и стал под богомь"¹⁴³. Летописец нашел, следовательно, такое нетрафаретное положение и вложил в уста князя такие необычные слова, которые с наибольшей силой передали ужас преступления князей, противников Василька.

Мы отметили выше, что в исторической литературе XI-XIII вв. говорилось по преимуществу о деятельности тех слоев населения, которые влияли, по представлениям того времени, на ход исторических событий,- князей и духовенства.

Однако не только князья и духовенство из его высших слоев попадали в поле зрения книжника. Изображая борьбу князя за свою власть, летописец волей или неволей вынужден был говорить о боярах, оказывавших сопротивление своему князю. Рассказывая о стремлении юноши Феодосия к монашеской жизни, приходилось выводить и его мать - решительную, смелую, немного мужеподобную, с грубым голосом, драчливую, всегда готовую избить сына, заковать его в кандалы, только бы удержать около себя. Все эти персонажи освещены отраженным светом. Они выведены для оттенения главного героя. Но и через них в литературу также стихийно проникают черты реалистичности.

Психологическая наблюдательность в житейской практике древней Руси достигала большой тонкости, как об этом свидетельствует, например, письмо Владимира Мономаха к Олегу Гориславичу. Самый повод, по которому оно написано, не обычен: Владимир Мономах пишет письмо своему врагу Олегу Святославичу, предлагая ему примирение, после того как в сражении с войсками Олега погиб его любимый сын Изяслав. Это письмо написано с большим чувством достоинства, с полным сознанием сложности образовавшейся житейской ситуации. Оно преисполнено своеобразного лирического спокойствия, желания понять своего врага, чувством бесконечной скорби о погибшем сыне. Мономах готов понять и даже утешить убийцу своего любимого сына. При этом письмо старчески мудро и спокойно.

"Поучение" Владимира Мономаха поражает громадным запасом психологических наблюдений, обнаруживает почти поэтическое отношение автора к жизни. Выражение этого отношения в "Поучении" носит на себе следы влияния народной поэзии.

Именно этот источник выражения поэтического восприятия жизни выдает образ горлицы, тоскующей на высохшем дереве, который Мономах применил к вдове своего сына, прося отпустить ее к нему, чтобы оплакать вместе с ней сына, его свадьбу, ее первые радости: "А бога деля пусти ю ко мне вборзе с первым сломь, да с нею кончав слезы, посажу на месте, и сядеть акы горлица на сусе древе желеючи, а яз утешюся о бозе"¹⁴⁴.

Так обычная житейская практика вводит в литературу элементы реалистичности.

Летопись знает ряд жизненных положений, в описание которых больше всего проникали черты действительности, когда летописца привлекал не только официальный силуэт князя, но и его личная жизнь. К числу таких жизненных положений в первую очередь относится кончина князя. Последние дни и часы жизни князя летописец описывает подробно, придавая иногда значение всякой мелочи. Несомненно, что в таком отношении летописца к смерти нашли свое отражение общехристианские воззрения летописца. Однако, как бы то ни было, летописные повествования о смерти князей - самые жизненно-конкретные в летописи. Таково, например, повествование о смерти Святослава Всеволодовича, где не забыты, например, такие детали. Святослав Всеволодович, предчувствуя кончину, собирался поклониться гробу отца своего в Кирилловском монастыре под Киевом, но не смог, так как поп, хранивший ключи от церкви, отлучился. Передан и его разговор на смертном ложе с женою. Святослав спрашивает "отемневшим" языком, когда будет день святых Макавеев. Жена отвечает: "В понедельник". Святослав же говорит своей жене, что вряд ли доживет до этого дня: "О не дождочю ти я того"¹⁴⁵. В этом разговоре нет ничего исторически значительного. Он передан летописцем потому, что значительно было самое событие, с которым этот разговор был связан, - смерть.

Характерно также описание смерти князя Владимира Васильковича в Волынской летописи. Богатство, мудрость, речистость этого князя служат как бы контрастом его смерти, наводят на мысль о бренности всего земного. Так часто бывает в изобразительном искусстве: чтобы смерть производила впечатление настоящей смерти, нужно, чтобы и жизнь выглядела настоящей жизнью. Страницы Волынской летописи, рассказывающие о смерти Владимира Васильковича, натуралистически описывают развивающуюся болезнь (рак гортани), воспроизводят предсмертные распоряжения и переговоры, в которых принимала участие его жена-"милая Ольга". Изумительные речи Владимира Васильковича сопровождаются живыми сценами. Так, например, Владимир Василькович посылает слугу своего "доброего, верного, именем Рачтьшу" к брату своему Мстиславу и просит передать ему, чтобы он ничего не давал после его смерти "сыновцу" - Юрию. Свою просьбу Владимир Василькович подкрепил выразительным жестом: он взял из своей постели пук соломы и сказал: "Хотя бых ти, рци, брат мой, тот вехоть соломы дал, того не давай по моемь животе никому же"¹⁴⁶.

Иногда мысль о бренности всего земного служит летописцу поводом, чтобы описать какое-нибудь из ряда вон выходящее, но не очень "официальное" событие.

Так, например, летописец приводит шутку над бесплодными устремлениями Мстислава Ярославича овладеть Галичем. Некто Илья Щепанович привел Мстислава Ярославича Немого на Галичину могилу и сказал ему: "Княже! уже еси на Галичине могыле поседел, тако и в Галиче княжил еси"¹⁴⁷. Приводит летописец и рассказ о тщетности попыток боярина сесть на княжеский стол¹⁴⁸. Он подчеркивает случайность гибели Холма от пожара, вызванного неосторожностью некоей бабы¹⁴⁹. Рассказывает летописец и множество других случайностей, решавших судьбу князей: то князь пошутил и своей шуткой раскрыл заговор¹⁵⁰, то князь не был узан под чужим шлемом¹⁵¹, то жизнь князя висела на волоске и была случайно спасена¹⁵². Описывает летописец и построение города, вызванное гаданием князя по Библии¹⁵³. Самые унижения Даниила Га-лицкого в Орде служат как бы обоснованием для своеобразного исторического скептицизма летописца: "О злая честь татарская! Его же отец бе царь в Руской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все, сын того ж не прия чести, то иной кто может прияти? Злобе бо их и льсти несть конца"¹⁵⁴.

Несомненно, что, описывая все эти "случаи", летописец нарушал собственную систему изложения, усиливая ими в своем повествовании черты реальности, иногда быта, и это в известной мере отражалось на изображении им действующих лиц.

Нарушался литературный стереотип и в церковной литературе XI- XIII вв.: в житиях святых, в частности в Киевопечерском патерике, и в проповедях. Однако в этой церковной литературе психология действующих лиц подчинена морали, назидательному смыслу произведения. Немногие психологические качества уловлены и преломлены в литературном произведении только через призму христианской морали. Церковь постоянно обращала литературу к психологической наблюдательности, но литературу в основе своей светскую, и в частности летопись, могла затронуть только отчасти.

Наконец, стиль средневекового монументализма в изображении людей нарушался в литературе и под влиянием народного творчества. Однако в этом последнем случае перед нами особый стиль - стиль, который мы рассмотрим в следующей главе.

* * *

Подведем итоги. В изображении людей историческая литература XI- XIII вв. следует идеалам, выработанным в феодальной действительности того времени. Она следует феодальным представлениям о том, каким должен быть представитель той или иной социальной ступени, какими должны быть сами феодальные отношения, и в основном сохраняет официальную точку зрения господствующего класса на всё, включаемое в литературу.

Интересы авторов-историков сосредоточены по преимуществу на самых верхах феодального общества. Больше всего внимания летописцы XI-XIII вв. уделяют князьям и духовенству. Первых они изображают в церемониальных положениях - с позиций подданных; вторых - с назидательностью, свойственной представителям церкви. Система идеалов, отразившихся в исторических произведениях XI-XIII вв., служит укреплению феодального строя, оправданию феодальных отношений. Они условны и схематичны.

Если мы присмотримся к тому, как строится в летописи образ того или иного князя, то должны будем прежде всего отменить, что образ каждого князя корректируется тем политическим идеалом княжеского поведения, который был признан летописцем. Летописец не создавал никакого нового своего идеала, а выражал те политические идеи, которые ему полагалось выражать как подданному или вассалу своего князя. Его писательская позиция определялась его служебным положением, последнее же подсказывало ему и интерпретацию событий, и образ князя. Исходя из этих своих политических представлений, летописец оценивает князей, своих современников, то хваля их и приписывая им те качества, которые они должны были бы иметь, то отрицая в них всё положительное, как у врагов своего лагеря.

Рассматривая характеристики князей в летописи, мы легко заметим, что они сотканы не столько из психологических, сколько из политических понятий. Не характер князя отражен в его характеристике, а его деятельность, его поведение, его политическое лицо.

Летописец оценивает не психологию князя, а его поведение, при этом поведение политическое в первую очередь. Его интересуют поступки князя, а не их психологическая мотивировка. Характеристика того или иного лица в летописи имеет в виду прежде всего его поведение; внутренняя жизнь интересует летописцев XI-XIII вв. только постольку, поскольку она внешне проявляется в поступках, в определенной линии поведения. Храбрость, мужество - это прежде всего подвиги. Нищелюбие, любовь к церкви, к боярам, к дружине - это прежде всего поступки, поступки щедрости по преимуществу. Летописец не случайно пишет о том, что князь "показал мужество свое", "много пота утер с дружиною своею за Русскую землю", "братолюбием светился" или "славился" своими делами, нагнал страх на врагов, "прослыл" в победах и т. д. Внешний эффект поведения князя, "величавого на ратный чин", интересует летописца больше всего. Нет добрых качеств князя без их общественного признания, ибо самые эти качества неразрывно связаны с их внешними постоянными проявлениями. Вот почему летописец не знает конфликта между тем, каким на самом деле является тот или иной князь, и тем, каким он представляется окружающим. Доброму князю сопутствует добрая слава, дурному - дурная. Вот почему писатели XI-XIII вв. так часто и так много говорят о славе князя, о его общественном признании. Вот также почему литературный портрет князя всегда официален. Князь предстает перед читателем в "одеянии" своих действий. Он почти не раскрывается в своем внутреннем содержании. Летописец никогда не вступает в интимное общение с героем своего повествования, не входит в психологическое объяснение его поступков. Летописец - подданный и пишет о своем князе как подданный. Только о враге он пишет, что он совершил тот или иной поступок, движимый злобой, завистью, жадностью или гордостью (ассортимент психологических качеств я здесь невелик, анализ несложен) или побуждаемый к тому злым советчиком, послушавшись его дурного совета, дьяволом наученный или дьяволом соблазненный.

Следовательно, летописец не потому так скуп на психологические определения, что психология раскрыта для него только в самых общих своих основах, а потому, что раскрытие психологии не входит в его задачу, - он официален, несет свои обязанности

писателя как своеобразную феодальную службу, пишет то, что ему следует писать по своему служебному положению, и сохраняет основательную дистанцию между собой и своим патроном. Писательский труд не стал еще первой обязанностью летописца, не придал ему хотя бы внешней независимости. Летописец сам осознавал себя прежде всего слугой князя и, не скрывая от себя, выполнял свой долг слуги, подчиненного или вассала.

Созданный феодальным классом светский идеал поведения феодала был вполне оригинален, точно разработан и по-своему монументален. Рядом с ним заметны следы и другого идеала человеческого поведения - идеала народного, подлинно гуманистического и подлинно самобытного. Однако подчиненная феодалам литература с трудом позволяет судить о нем. Изыскания фольклористов позволяют, очевидно, ближе подойти к этому идеалу.

Так обстоит дело с с и с т е м о й, которую применяют к изображению людей летописцы; если же приглядеться к и с к л ю ч е н и я м из этой системы, то в них всюду заметно стихийное проникновение в литературу некоторых элементов реалистичности, точное следование натуре, действительности, появление в литературе любовно наблюденного и любовно переданного.

В разрушении феодальных представлений о личности только как об элементе феодальных отношений огромная роль принадлежала, как мы уже сказали об этом выше, народному творчеству.

Разрушению этому способствовало и то обстоятельство, что литература XI-XVI вв., как это мы увидим в дальнейшем, не знала вымышленного героя. Все действующие лица русских оригинальных произведений действительно жили, а не созданы только художественным воображением. Черты действительности могли поэтому особенно легко проникать в литературу. Реальные факты биографии способствовали сохранению реальных черт характера и препятствовали полному подчинению изображаемых лиц феодальному идеалу.

Однако переход от стихийного проникновения в литературу действительности к первым шагам нового, сознательного к ней отношения совершится не скоро: новое отношение к человеческой личности станет осознаваться самими авторами только с конца XVI-начала XVII в. Это - время, когда в литературе появятся первые изображения элементов человеческого характера.

В течение пяти столетий в русской литературе идет борьба проникающих в нее снизу реалистических элементов с идеалистической литературной системой. Система нарушается и вновь восстанавливается на новой основе. Неподвижная и инертная по самой своей сути, она, тем не менее, искусственно поддерживается извне официальной идеологией класса феодалов и его потребностями, различными на различных этапах исторического развития. Однако реалистические элементы проникают в литературу всё интенсивнее и, в конце концов, начинают осознаваться как явления нового и положительного характера и в XVII в. находят себе своего настоящего проводника - демократические слои населения. Все нарушения системы более или менее связаны с нарушениями официальной точки зрения господствующего класса. Следовательно, литература двигается вперед этими нарушениями. Ее

развивает, в конечном счете, народ, хотя участие народа в развитии литературы кажется очень незначительным, внешне незаметно, с трудом определимо, скрыто под поверхностью, на которой массивно громоздятся застывшие формы системы, выработанной господствующим классом.

В принципах изображения человека изобразительное искусство XI- XIII вв. очень близко литературе. Стил монументального историзма получил свое воплощение в искусстве с еще большей выразительностью, чем в летописи.

Искусство этого времени отвергало "суету мира сего" - мишуру украшений, декоративность, иллюзорное воспроизведение действительности и развлекательность. Оно стремилось простыми средствами выразить величие божественного, мудрость мироустройства и всеобщую символическую связь явлений. Торжественные здания храмов были лишены украшений, стены не штукатурились и обнажали непосредственную мощь кладки. Храмы являли простые и ясные в своих пропорциях сочетания больших объемов. Наружные стены храмов отчетливо свидетельствовали о внутреннем устройстве помещений: внешние членения стен "лопатками" - пилястрами - строго соответствовали членению храма внутри столбами. Стены завершались полукруглыми закомарами, отражая формы сводов, по которым, прилегая, лежала кровля. Величественная простота сочеталась с полным отсутствием стремления "обмануть" зрителя, иллюзорно увеличить размеры храма. И вместе с тем устройство храма символически напоминало об устройстве Вселенной и "малого мира" - человека. Антропоморфические черты храма обнаруживались в названиях отдельных его частей: глава, шея (барабан), плечи, подошва, бровки над окнами. Его устройство было ориентировано на страны света, а росписи напоминали о Вселенной, ее истории - Ветхом и Новом завете, о будущем человечества - конце мира и Страшном суде. Церковь стремилась поднять человека над суетными заботами дня и показать ему мир в его устройстве и истории, пронизывающую все иерархию явлений и событий.

Стил росписей (и мозаик - в XI и XII вв.) строго соответствовал общему стилю эпохи. Изображения людей стремились передать их "вечную" сущность. Случайные повороты, случайные моменты были исключены из изображений. Христос, богородица, святые обращены к зрителю. Даже в сюжетных сценах они как бы показывают себя зрителям. Только ангелы как слуги бога могли быть повернуты в профиль к зрителю. Никогда не смотрели на человека бесы. Изображения служат молитвенному общению с прихожанами. Из этого общения исключена лишь нечистая сила.

Любой сюжет живописи был значительным, "историческим"; события изображались в своей кульминации, а иногда совмещали в себе несколько кульминирующих моментов, объединяемых в одно изображение.

Изображения сопровождалась знаками: эмблемами лица, надписями, были легко обозримы и легко узнавались зрителем. Святой воин изображался с мечом и в доспехах, князь - на княжеском столе и в княжеской одежде, святитель - в святительских одеждах, мученик - с крестом в руке. Каждый святой легко узнавался по присущим ему знакам: форме бороды, лба, лысине и пр. Изображения были парадны, монументальны, в них не было ничего недосказанного. Расположение изображений соответствовало церковной иерархии и иерархии мироустройства.

- ¹ Пространная Правда, статья 26 (Правда Русская, т. //, М. - Л., 1947, стр. 344- 345).
- ² Пространная Правда, статья 24 (там же, стр. 341). Ср. в Краткой Правде статью 9 (там же, стр. 80-81).
- ³ Краткая Правда, статья 10 (там же, стр. 82-86).
- ⁴ Б.Д. Греков- Крестьяне на Руси. М., 1946, стр. 91-92.
- ⁵ Ипатьевская летопись. Изд. 1871 г., под 1177 г., стр. 409.
- ⁶ Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 280.
- ⁷ См.; Ипатьевская летопись, под 1149-1154 гг.
- ⁸ Повесть временных лет, т. I. М.-Л., 1950, стр. 144: "Ростислава же искавши обретоша в реце; и еяемше принесоша и Киеву, и плакая по немь мати его, и вси людье пожалиша си по немь повелику, у н о с т и его ради". Здесь, очевидно, имеется в виду народный плач,- следовательно, и неофициальная летописная точка зрения.
- ⁹ Д.С. Лихачев. Повести о Николе Зараском (тексты). Труды Отдела древне русской литературы (ОДРЛ) Института русской литературы Академии наук СССР, т. VII, 1949, стр. 300-301.
- ¹⁰ Н.Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника. Л-, 1932, стр. 16-17.
- ¹¹ Ипатьевская летопись, под 1289 г., стр. 607.
- ¹² Ипатьевская летопись, под 1289 г., стр. 607-608.
- ¹³ Ипатьевская летопись, под 1229 г., стр. 507.
- ¹⁴ Ипатьевская летопись, под 1217 г., стр. 492
- ¹⁵ Ипатьевская летопись, под 1171 г., стр. 374.
- ¹⁶ "И еда Всеволоду Володимирка за труд 1000 и 400 гривен серебра, переди много глаголив, а последи много заплатив", - говорит о нем летописец (Ипатьевская летопись, под 1144 г., стр- 226). В противоположность Владимирке Всеволод Киевский роздал всё серебро "кто же бяшетъ с ним был". Об ограблении Владимирком жителей Мъческа см.: Ипатьевская летопись, под 1150 г., стр. 289: "Они же не имея-хуть дати чего у них хотяше. они же емлюче серебро из ушью и с шии, сливаюче же серебро даяхуть Володимеру. Володимер же поймав серебро и поиде, такоже емля серебро по всим градом, оли и до своей земли".
- ¹⁷ В. Шимано в скип. Сборник Святослава 1076 года, изд. 2-е. Варшава, 1894. стр. 11. На это место "Изборникам обратила мог внимание Н. А. Демина.
- ¹⁸ Ипатьевская летопись, под 1176 г., стр. 408.
- ¹⁹ Ипатьевская летопись, под 1236 г., стр. 517-518.
- ²⁰ Ипатьевская летопись, под 1219 г., стр. 493.
- ²¹ Ипатьевская летопись, под 1219 г., стр. 493.
- ²² Ипатьевская летопись, под 1219 г., стр. 493.
- ²³ Ипатьевская летопись, под 1251 г., стр. 540.
- ²⁴ Ипатьевская летопись, под 1252 г., стр. 540-541.
- ²⁵ Ипатьевская летопись, под 1232 г., стр. 512.
- ²⁶ См., например: Ипатьевская летопись, под 1249 г., стр. 534: "И Лье ста на месте, воиньомь посреде трупья являюща победу свою".
- ²⁷ Ипатьевская летопись, под 1140 г., стр. 217; под 1142 г., стр. 223; под 1146 г., стр. 233; под 1150 г. стр. 288 и мн. др.
- ²⁸ Ипатьевская летопись, под 1235 г., стр. 517-518.
- ²⁹ Ипатьевская летопись, под 1152 г., стр. 319.
- ³⁰ Ипатьевская летопись, под 1237 г., стр. 520; под 1240 г., стр. 522 и др.
- ³¹ Ипатьевская летопись, под 1219 г., стр. 493.
- ³² Ипатьевская летопись, под 1240 г., стр. 525.
- ³³ Интересные особенности передачи в миниатюрах Радзивилловской летописи ряда сюжетов, отражающих феодальную идеологию "с диаграммной четкостью" и "плакатной выразительностью" вскрыты в работе А. В. Арциховского "Древнерусские миниатюры как исторический источник" (М., 1944).
- ³⁴ М.Д. Приселков. История русского летописания XI-XV вв. Л., 1940, стр. 58.
- ³⁵ А.В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. См. также рецензию Н. Н. Воронина на эту работу в "Вестнике Академии наук СССР" (1945, № 9).
- ³⁶ Памятники древнерусской иерковно-учительной литературы. Под ред. А. И. Пономарева, вып. 1, СПб., 1894, стр. 167.
- ³⁷ Ипатьевская летопись, под 1126 г., стр. 208.
- ³⁸ Ипатьевская летопись, под 1154 г., стр. 323.
- ³⁹ Ипатьевская летопись, под 1178 г., стр. 413.
- ⁴⁰ Ипатьевская летопись, под 1178 г., стр. 413.
- ⁴¹ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. I, вып. 2. Л., 1926, под 1146 г., стр. 313.
- ⁴² Ипатьевская летопись, под 1160 г., стр. 345.
- ⁴³ Ипатьевская летопись, под 1159 г., стр. 339.
- ⁴⁴ Ипатьевская летопись, под 1174 г., стр. 391.
- ⁴⁵ Ипатьевская летопись, под 1159 г., стр. 339.
- ⁴⁶ Ипатьевская летопись, под 1149 г., стр. 268; там же, под 1146 г., стр. 230.
- ⁴⁷ Ипатьевская летопись, под 1168 г., стр. 362.
- ⁴⁸ Ипатьевская летопись, под 1235 г., стр. 517-518.
- ⁴⁹ Ипатьевская летопись, под 1147 г., стр. 250..
- ⁵⁰ Ипатьевская летопись, под 1173 г., стр. 383 (о новгородцах).
- ⁵¹ Лаврентьевская летопись, под 1140 г., стр. 308. "Княне же рекоша: "Княже! ты ся на нас не гневай, не можем на Володимире племя руки възняти"". (Ипатьевская летопись, под 1147 г., стр. 243; ср.: там же, стр. 246).
- ⁵² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950, под 1214 г., стр. 53.

- ⁵³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950, под 1214 г., стр. 53.
- ⁵⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950, под 1215 г., стр. 53.
- ⁵⁵ Ипатьевская летопись, под 1147 г., стр. 245; под 1152 г., стр. 320.
- ⁵⁶ Ипатьевская летопись, под 1150 г., стр. 278.
- ⁵⁷ Ипатьевская летопись, под 1150 г., стр. 287.
- ⁵⁸ Ипатьевская летопись, под 1151 г., стр. 295.
- ⁵⁹ Ипатьевская летопись, под 1155 г., стр. 330.
- ⁶⁰ Ипатьевская летопись, под 1282 г., стр. 586.
- ⁶¹ Ипатьевская летопись, под 1149 г., стр. 272-273.
- ⁶² Н.Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника, стр. 36.
- ⁶³ Н.Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника, стр. 36.
- ⁶⁴ Лаврентьевская летопись, под 1237 г., стр. 467.
- ⁶⁵ Н.Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника, стр. 36.
- ⁶⁶ См. выше.
- ⁶⁷ Ипатьевская летопись, под 1148 г., стр. 257; ср.: там же, под 1150 г., стр. 276.
- ⁶⁸ Ипатьевская летопись, под 1185 г., стр. 434.
- ⁶⁹ Повесть временных лет, т. I, под 1075 г., стр. 131.
- ⁷⁰ Повесть временных лет, т. I, под 996 г., стр. 86.
- ⁷¹ Ипатьевская летопись, под 1172 г., стр. 376.
- ⁷² Ипатьевская летопись, под 1172 г., стр. 376.
- ⁷³ Ипатьевская летопись, под 1172 г., стр. 288, 290 и др.
- ⁷⁴ Ипатьевская летопись, под 1150 г., стр. 289.
- ⁷⁵ Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника, стр. 60; ср.; там же, стр. 17.
- ⁷⁶ См.: Софийская первая летопись. ПСРЛ, т. V, вып. 1, Л., 1925, стр. 8 и 9.
- ⁷⁷ Лаврентьевская летопись, под 1169 г., стр. 358.
- ⁷⁸ Ипатьевская летопись, под 1178 г., стр. 411.
- ⁷⁹ О Льве Даниловиче: Ипатьевская летопись, под 1288 г., стр. 605.
- ⁸⁰ О Льве Даниловиче: Ипатьевская летопись, под 1169 г., стр. 367.
- ⁸¹ Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника, стр. 26.
- ⁸² Лаврентьевская летопись, под 1125 г., стр. 296.
- ⁸³ Лаврентьевская летопись, под 1139 г., стр. 307.
- ⁸⁴ Ипатьевская летопись, под 1150 г., стр. 284; ср.: там же, под 1146 г., стр. 230-231.
- ⁸⁵ Ипатьевская летопись, под 1174 г., стр. 392.
- ⁸⁶ Например, Мстислав говорит Даниилу Романовичу: "А яз пойду в половиц, мьстив сорома своего" (там же, под 1213 г., стр. 491).
- ⁸⁷ Повесть временных лет, т. I, под 1097 г., стр. 176.
- ⁸⁸ Владимир Мстиславич, например, говорит: "А любо сором сложию и земли своей мьщю, любо честь свою налезу, паки ли а голову свою сложию" (Ипатьевская летопись, под 1149 г., стр. 263).
- ⁸⁹ Ипатьевская летопись, под 1234 г., стр. 512.
- ⁹⁰ Ипатьевская летопись, под 1254 г., стр. 546.
- ⁹¹ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, стр. 39.
- ⁹² Лаврентьевская летопись, под 1125 г., стр. 293-294.
- ⁹³ Ипатьевская летопись, под 1256 г., стр. 551.
- ⁹⁴ Ипатьевская летопись, под 1224 г., стр. 497.
- ⁹⁵ Ипатьевская летопись, под 1224 г., стр. 497.
- ⁹⁶ Ипатьевская летопись, под 1227 г., стр. 502.
- ⁹⁷ Лаврентьевская летопись, под 1152 г., стр. 338.
- ⁹⁸ Лаврентьевская летопись, под 1152 г., стр. 338.
- ⁹⁹ Лаврентьевская летопись, под 1149 г., стр. 324.
- ¹⁰⁰ Лаврентьевская летопись, под 1149 г., стр. 339.
- ¹⁰¹ Лаврентьевская летопись, под 1149 г., стр. 325.
- ¹⁰² Лаврентьевская летопись, под 1153 г., стр. 340.
- ¹⁰³ Ипатьевская летопись, под 1151 г., стр. 303.
- ¹⁰⁴ Ипатьевская летопись, под 1173 г., стр. 382.
- ¹⁰⁵ Лаврентьевская летопись, под 1184 г., стр. 390.
- ¹⁰⁶ Лаврентьевская летопись, под 1096 г., стр. 257.
- ¹⁰⁷ Лаврентьевская летопись, под 1096 г., стр. 251.
- ¹⁰⁸ Ипатьевская летопись, под 1287 г., стр. 596.
- ¹⁰⁹ Ипатьевская летопись, под 1282 г., стр. 586-587.
- ¹¹⁰ Ипатьевская летопись, под 1187 г., стр. 441-442.
- ¹¹¹ Лаврентьевская летопись, под 1205 г., стр. 420.
- ¹¹² Ипатьевская летопись, под 1170 г., стр. 308.
- ¹¹³ Ипатьевская летопись, под 1148 г., стр. 257.
- ¹¹⁴ Ипатьевская летопись, под 1148 г., стр. 258.
- ¹¹⁵ Ипатьевская летопись, под 1189 г., стр. 446.
- ¹¹⁶ Слова Ростислава Мстиславича: Ипатьевская летопись, под 1148 г., стр. 256.
- ¹¹⁷ Ипатьевская летопись, под 1149 г., стр. 266.

- ¹¹⁸ Ипатьевская летопись, под 1126 г., стр. 208.
- ¹¹⁹ Лаврентьевская летопись, под 1206 г., стр. 426.
- ¹²⁰ Ипатьевская летопись, под 1170 г., стр. 358.
- ¹²¹ Ипатьевская летопись, под 1189 г., стр. 447.
- ¹²² Ипатьевская летопись, под 1201 г., стр. 480.
- ¹²³ Ипатьевская летопись, под 1140 г., стр. 220; в квадратных скобках текст из списков Хлебниковского и. Погодинского.
- ¹²⁴ Ипатьевская летопись, под 1147 г., стр. 243; ср. стр. 246 и 250.
- ¹²⁵ Ипатьевская летопись, под 1147 г., стр. 246.
- ¹²⁶ Ипатьевская летопись, под 1175 г., стр. 404.
- ¹²⁷ Ипатьевская летопись, под 1150 г., стр. 285.
- ¹²⁸ Лаврентьевская летопись, под 1139 г., стр. 307: ср. те же слова в Ипатьевской летописи, под 1140 г., стр. 219.
- ¹²⁹ Ипатьевская летопись, под 1170 г., стр. 368.
- ¹³⁰ Ипатьевская летопись, под 1147 г., стр. 244.
- ¹³¹ Ипатьевская летопись, под 1158 г., стр. 338.
- ¹³² Ипатьевская летопись, под 1140 г., стр. 217.
- ¹³³ Ипатьевская летопись, под 1195 г., стр. 461.
- ¹³⁴ Ипатьевская летопись, под 1195 г., стр. 463.
- ¹³⁵ Ипатьевская летопись, под 1196 г., стр. 467.
- ¹³⁶ Ипатьевская летопись, под 1151 г., стр. 301 (то же в Лаврентьевской летописи, под 1152 г., стр. 333).
- ¹³⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под 1263 г., стр. 84.
- ¹³⁸ Ипатьевская летопись, под 1178 г., стр. 413.
- ¹³⁹ Ипатьевская летопись, под 1178 г., стр. 414.
- ¹⁴⁰ Ипатьевская летопись, под 1178 г., стр. 414.
- ¹⁴¹ Лаврентьевская летопись, под 1212 г., стр. 437.
- ¹⁴² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под 1214 г., стр. 53.
- ¹⁴³ Повесть временных лет, т. I, стр. 173.
- ¹⁴⁴ Повесть временных лет, т. I, стр. 165.
- ¹⁴⁵ Ипатьевская летопись, под 1194 г., стр. 457.
- ¹⁴⁶ Ипатьевская летопись, под 1288 г., стр. 600.
- ¹⁴⁷ Ипатьевская летопись, под 1206 г., стр. 484.
- ¹⁴⁸ Ипатьевская летопись, под 1211 г., стр. 489.
- ¹⁴⁹ Ипатьевская летопись, под 1259 г., стр. 557.
- ¹⁵⁰ Ипатьевская летопись, под 1230 г., стр. 508.
- ¹⁵¹ Ипатьевская летопись, под 1229 г., стр. 505.
- ¹⁵² Ипатьевская летопись, под 1149 г., стр. 272.
- ¹⁵³ Ипатьевская летопись, под 1276 г., стр. 578.
- ¹⁵⁴ Ипатьевская летопись, под 1250 г., стр. 536.